

The illustration depicts a dramatic scene with a knight in ornate dark armor and a woman in a flowing blue dress. The knight's right arm is a mechanical prosthetic. They are surrounded by intense fire and a stormy sea. The author's name is at the top, and the title is at the bottom.

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

ТЫ УШЛА ОТ
МЕНЯ

Сергей Патрушев
Ты ушла от Меня

«Автор»

2026

Патрушев С.

Ты ушла от Меня / С. Патрушев — «Автор», 2026

Когда-то Сергей был никем — жалким авантюристом самого низкого ранга, над которым смеялась вся гильдия. У него не было ни денег, ни снаряжения, ни будущего, а любимая девушка публично унизила его и ушла к богатому аристократу, заявив, что в этом мире решают только связи и золото.

Однажды, избитый и брошенный умирать в грязной луже, он находит древний амулет, пробуждающий в нём редчайшую магию поглощения. Встреча с дерзкой мечницей-полукровкой Алисой меняет всё: вместе они бросают вызов смертоносной башне, сражаясь с чудовищами, преодолевая собственные страхи и поднимаясь всё выше к славе, силе и настоящей любви.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Осколки презрения	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сергей Патрушев

Ты ушла от Меня

Глава 1. Осколки презрения

Дождь, начавшийся в этот день как-то неуверенно и почти робко, словно сама природа не могла решить, стоит ли ей обрушивать на город всю тяжесть накопившейся в небесах влаги или же лучше повременить, понемногу набирал силу, и его первые, едва заметные капли нерешительно цеплялись за пыльные, нагретые за день камни мостовой, оставляя на их шероховатой поверхности тёмные, быстро испаряющиеся кляксы, которые почти мгновенно высыхали под порывами тёплого, ещё не успевшего остыть после полуденного зноя ветра, что лениво бродил по узким улочкам, поднимая в воздух мелкую сухую пыль и обрывки сухих листьев, забившихся в щели между булыжниками ещё с прошлой осени. Однако к вечеру, когда солнце окончательно скрылось за тяжелыми, набухшими влагой тучами, небо над городом налилось свинцовой тяжестью, и вода, скопившаяся где-то там, в вышине, прорвала невидимую преграду, обрушившись вниз сплошной стеной, которая превратила и без того неширокие улочки в бурные, стремительные потоки, смывавшие с брусчатки всё, что попадалось на их пути — грязь, накопившуюся за несколько сухих недель, ошмётки прелого сена, выпавшие из проезжавших мимо телег, обрывки тряпья и даже чью-то оброненную в спешке перчатку из дорогой, отлично выделанной кожи с блестящей серебряной пряжкой, которая сейчас беспомощно плыла по течению, переворачиваясь с боку на бок и поблёскивая в тусклом свете угасающего дня.

Серёга стоял под узким выступом старой кузницы, вжимаясь спиной в холодную, грубо отёсанную каменную кладку, и молча смотрел, как потоки дождевой воды уносят прочь всё то, что ещё недавно лежало на мостовой, и он прекрасно понимал, что та самая перчатка, которую он заметил краем глаза, стояла бы ему, наверное, двух или даже трёх недель непрерывной, изнурительной работы, если бы он вдруг решился её купить, но он не двинулся с места, даже не пошевелился, чтобы подобрать её из стремительного ручья, потому что в глубине души понимал всю бессмысленность этого жеста — перчатка всё равно уже промокла насквозь, а продать её в таком состоянии было бы невозможно, да и не было у него ни малейшего желания прикасаться к чужой вещи, которая, возможно, принадлежала кому-то из тех, кто ещё сегодня утром смотрел на него с презрительной усмешкой. Кузница, у которой он нашёл своё временное укрытие, уже давно закрылась, тяжёлые деревянные ставни были наглухо задёрнуты, а массивная дубовая дверь, обитая полосами почерневшего от времени железа, заперта на тяжёлый засов, из-за чего изнутри не доносилось ни привычного стука молота о наковальню, ни глухого гудения кузнечного горна, ни ворчания старого мастера, который обычно работал допоздна, но сегодня, видимо, решил уйти пораньше, спасаясь от надвигающейся непогоды.

В другое время Серёга, не раздумывая, постучал бы в эту дверь, попросился бы переждать дождь внутри, у тёплого очага, и старик-кузнец, знавший его уже не первый месяц, наверняка не отказал бы ему, а может быть, даже подкинул бы какую-нибудь мелкую работу — перетащить с места на место мешки с углём, разобрать грудку старых подков, сваленных в углу, почистить от ржавчины инструмент, разложенный на верстаке, — но сегодня был совсем не тот день, и Серёга чувствовал это каждой клеточкой своего продрогшего тела, сегодня ему не хотелось ни с кем разговаривать, не хотелось никого видеть, не хотелось даже двигаться,

ему хотелось просто стоять здесь, под этим узким каменным выступом, и смотреть, как город медленно тонет в серой, беспросветной пелене дождя, смывающего с улиц последние следы человеческого присутствия.

Он тяжело переступил с ноги на ногу, ощущая, как в прохудившемся левом сапоге, который протёк ещё неделю назад во время очередного похода за травами на заболоченные пустоши, неприятно хлюпает холодная вода, уже успевшая пропитать грубую ткань портянки и добраться до самых пальцев, и от этого нога казалась ледяной и почти нечувствительной, хотя Серёга и старался время от времени шевелить пальцами, чтобы хоть как-то сохранить в них тепло. Починить сапог было не на что — городской сапожник, державший мастерскую на углу Рыночной площади, ломил за такую работу безбожную цену, и все те жалкие медяки, которые Серёге удавалось заработать за несколько дней, уходили на еду, на ночлег в дешёвом пансионе и на то, чтобы хоть как-то поддерживать в порядке своё убогое снаряжение, которого у него, впрочем, почти и не было. Он машинально потрогал рукоять меча, висевшего на поясе в потёртых кожаных ножнах, — оружие было старым, доставшимся ему от какого-то разорившегося наёмника, который продал его за бесценок на одном из городских рынков, и на лезвии этого меча уже давно появились зазубрины, которые Серёга не мог выправить без помощи кузнеца, а оплётка рукояти истёрлась до такой степени, что местами просвечивало голое дерево, натиравшее ладонь до кровавых мозолей после каждой мало-мальски продолжительной тренировки.

Но даже такой меч, ржавый и старый, с затупившимся лезвием и расшатавшейся гардой, был для него настоящей роскошью, потому что многие из тех, кто обретался на самом дне гильдии, вообще не имели никакого оружия и вынуждены были орудовать дубинами или просто кулаками. Гильдийский жетон, приколотый к груди его потёртой кожаной куртки, — маленькая тусклая бронзовая пластинка с выбитым на ней номером, который он помнил наизусть, хотя и старался не думать о нём лишний раз, — охлаждал кожу даже сквозь грубую ткань рубахи, и это ощущение холодного металла было сродни постоянному напоминанию о том, кто он такой на самом деле. Самый низкий ранг. «Медяк». Или, как презрительно выражались старшие авантюристы, те, кому удалось подняться хотя бы до бронзы, а то и до серебра, — «пустое место». В гильдийских списках, которые вела сухая пожилая писарша с вечно поджатыми губами и острым, недоверчивым взглядом, его имя значилось в самом конце, в той части пергамента, куда заглядывали только тогда, когда нужно было отправить кого-нибудь на верную смерть за гроши, на задание, от которого отказались бы даже самые отчаянные безумцы, потому что плата за него не стоила и половины того риска, которому подвергался исполнитель.

Серёга не был дураком, и он прекрасно, до боли в груди, осознавал, почему окружающие считают его бездарностью, почему от него отворачиваются даже те, кто сам находится едва ли не на самом дне, почему его имя стало в гильдии чем-то вроде нарицательного обозначения неудачника. У него не было денег на приличную броню, которая могла бы защитить его от удара меча или когтей дикого зверя; у него не было зелий, способных залечить серьёзные раны или хотя бы притупить боль, не было амулетов, отводящих магию, не было даже простого щита, который мог бы прикрыть его от стрел или арбалетных болтов во время вылазок за городские стены. Всё его снаряжение состояло из дырявого левого сапога, ржавого меча с затупившимся лезвием да куртки из грубой, плохо выделанной кожи, которая давно потеряла всякую прочность и трещала по швам при каждом резком движении, и этого, разумеется, было совершенно недостаточно для того, чтобы претендовать на что-то серьёзное. Ему доставались самые паршивые, самые грязные и самые низкооплачиваемые задания, от которых воротили нос даже новички: очистить подвал от крыс, расплодившихся в невероятных количествах, собрать целебные травы на опушке леса, где водились волки, отнести письмо в сосед-

нюю деревню по размытой дождями дороге, вычистить конюшню при гильдии или перетаскать мешки с песком для укрепления стены. За такую работу платили сущие копейки, которых едва хватало на то, чтобы не умереть с голоду, и Серёга раз за разом увязал в бесконечной, вязкой трясине бедности, из которой, казалось, не было и не могло быть никакого выхода.

Его снаряжение изнашивалось с каждым днём всё сильнее, денег на новое не появлялось, а с плохим снаряжением, как он уже давно понял на собственном горьком опыте, нельзя было взяться за что-то серьёзное, потому что любая мало-мальски опасная вылазка могла закончиться для него смертью или, что ещё хуже, увечьем, после которого он стал бы обузой даже для самого себя. Это был замкнутый круг, из которого, казалось, не существовало выхода, и Серёга всё чаще ловил себя на мысли, что он так и будет до конца своих дней бегать по крысиным подвалам и собирать травы на опушках, пока какая-нибудь особенно наглая тварь не перегрызёт ему глотку или пока он не свалится от голода и усталости прямо на мостовую, чтобы быть подобранным городской стражей и свезённым в общую могилу для нищих и бездомных.

Он прекрасно знал, как на него смотрят, какие взгляды бросают в его сторону и что шепчут за его спиной, когда он проходит мимо. Усмешки за спиной, пренебрежительные взгляды, небрежные тычки, презрительные слова, брошенные как будто случайно, но рассчитанные на то, чтобы задеть побольнее, — всё это стало привычной частью его существования, фоном, на котором разворачивалась его жалкая, нищенская жизнь. «Куда лезешь, нищелюб?» — бросил однажды здоровенный детина с серебряным жетоном на груди, преградив ему дорогу, когда Серёга попытался записаться на зачистку заброшенного форта, за которую обещали неплохое вознаграждение. Он тогда сжал зубы так, что желваки заходили на скулах, но промолчал, не ответил ни слова, потому что что он мог ответить? Сила? Её у него не было. Деньги? Тем более. Связи и покровители? Об этом вообще не приходилось говорить. Оставалось лишь молча глотать презрение, запивая его дождевой водой, как это было сегодня, и делать вид, что всё в порядке, что его не задевают эти слова, эти взгляды, эти насмешки, что он выше всего этого, хотя на самом деле каждая такая мелочь оставляла на его душе глубокие, кровоточащие царапины, которые не заживали, а лишь покрывались всё новыми и новыми слоями боли и унижения.

Впрочем, хуже всего, гораздо хуже любых насмешек и презрительных взглядов, было то, что Настя тоже всё это видела, и именно её отношение к нему, её постепенно менявшийся взгляд, её всё более холодное и отстранённое поведение ранили Серёгу сильнее, чем любые слова, брошенные в его адрес посторонними людьми. Он познакомился с ней прошлой осенью, когда в его жизни ещё теплилась какая-то слабая, едва заметная надежда на то, что всё может измениться, что судьба наконец повернётся к нему лицом, что его упорство и трудолюбие будут вознаграждены. Она была хорошенькая, с густой копной светлых, чуть выющихся волос, которые она любила распускать по плечам, и смеющимися карими глазами, в которых, как ему тогда казалось, светилось что-то тёплое и искреннее. Она смеялась над его шутками, даже над самыми глупыми и неуклюжими, гладила его по руке своими маленькими, прохладными ладонями, говорила, что верит в него, что он обязательно станет кем-то значительным, что его упорство и доброе сердце обязательно будут вознаграждены, что ему просто нужно немного времени и удачи. Ей нравилось, что он авантюрист, пусть даже самого низкого ранга, пусть даже с бронзовым жетоном, годным лишь на то, чтобы пускать пыль в глаза таким же нищим, — тогда это казалось ей романтическим, опасным, живым, настоящим, не похожим на скучную, размеренную жизнь городских обывателей. Она смотрела на его потёртый меч с искренним восторгом, а не с брезгливостью, как многие другие, ей нравилось гулять с ним по вечернему

городу, сидеть на старом причале у реки, свесив ноги над тёмной водой, смотреть на отражения звёзд и мечтать о чём-то далёком и прекрасном.

Но с каждым месяцем, с каждой неделей её взгляд становился всё более оценивающим, всё более холодным и расчётливым, и Серёга с ужасом замечал, как та девочка, которая когда-то смеялась над его шутками, постепенно превращается в чужую, незнакомую женщину, для которой значение имели только деньги, связи и положение в обществе. Она всё чаще заводила разговоры о том, что её подруги одна за другой выходят замуж за состоятельных торговцев, что у кого-то появился дом с садом, где растут розы и яблони, что кто-то купил новое платье из эльфийского шёлка, которое стоит целое состояние, что кто-то уехал в столицу и теперь живёт в роскоши, не зная забот. Серёга молчал, потому что ответить ему было нечего, все его заработки уходили на еду, на жалкие попытки починить снаряжение и на оплату угла в пансионе, и он не мог купить Насте ни браслета, ни хотя бы новых лент для волос, хотя она, надо отдать ей должное, первое время говорила, что ей ничего от него не нужно, что ей достаточно просто быть рядом с ним. Иногда ему удавалось наскрести несколько медяков на маленький подарок — ленту из дешёвого ситца, пирожок с вишней, букетик полевых цветов, сорванных по дороге в город, — но такие мелочи всё меньше и меньше радовали Настю, и её благодарность становилась всё более натянутой и неискренней.

А потом появился этот маг, Артур из клана Сребророждённых, аристократического рода, чьи корни уходили в такую глубокую древность, что о ней слагали легенды, а в летописях упоминания о предках этого клана встречались ещё в те времена, когда нынешние лорды только начинали возводить свои первые башни и укрепления. Он был старше Серёги лет на десять, а может, и на пятнадцать, высокий, холёный, с породистым лицом, на котором застыло выражение вечной скуки и пресыщенности, с дорогим серебряным перстнем на пальце, украшенным крупным сапфиром, и в плаще из тёмно-синего дорогого сукна, расшитом по краям серебряными нитями, которые поблёскивали при каждом его движении. Его сапоги из мягкой, отлично выделанной кожи блестели даже в самый пасмурный день, как будто сама грязь не смела приставать к его подошвам, и от него исходил лёгкий, едва уловимый запах дорогих благовоний, которые привозили из-за моря купцы. Артур не был сильнейшим магом в городе, да и в своём клане он занимал далеко не первое место, уступая в силе и влиянии старшим родственникам, но у него были деньги, связи, положение, и этого с лихвой хватало для того, чтобы смотреть на окружающих сверху вниз и получать всё, чего бы он ни пожелал. И он положил глаз на Настю.

Серёга прекрасно помнил тот день, когда впервые увидел их вместе, — это было на рыночной площади, в самом центре города, где всегда было многолюдно и шумно, и он как раз шёл с очередного задания, усталый, голодный, с набитым мешком лекарственных трав, которые нужно было сдать в гильдейскую аптеку. Настя стояла рядом с магом, запрокинув голову и смеясь над какой-то его шуткой, а Артур что-то негромко говорил ей, небрежно помахивая рукой с зажатым в пальцах перстнем, и вокруг них почтительно расступались торговцы и покупатели, словно перед ними шёл невидимый отряд стражи, расчищающий дорогу. Серёга замер на месте, чувствуя, как внутри что-то сжалось в тугую, болезненный комок, как кровь отхлынула от лица и руки сами собой сжались в кулаки. Он хотел подойти, хотел окликнуть её, хотел спросить, что всё это значит, но ноги будто приросли к земле, отказываясь повиноваться, а язык словно прилип к нёбу, и он так и остался стоять посреди площади, глядя, как его девушка улыбается другому мужчине, как она смотрит на него с таким восхищением, с каким когда-то смотрела на самого Серёгу, и в тот момент он впервые по-настоящему, всей душой осознал, что теряет её, что она уже не принадлежит ему, что всё кончено.

Но самое страшное, самое унижительное и самое болезненное случилось сегодня, всего несколько часов назад, и именно это воспоминание, словно раскалённый гвоздь, вонзалось в его сознание снова и снова, не давая ни на минуту забыться, отвлечься, переключиться на что-то другое. Серёга передёрнул плечами, пытаясь отогнать навязчивые образы, но они возвращались снова и снова, как волны прибоя, накатывающие на берег, и каждая такая волна приносила с собой новую порцию боли, унижения и бессильной злобы. Это было перед зданием гильдии, куда он пришёл, чтобы сдать отчёт о выполненном задании и получить свою жалкую плату, и народу там собралось на удивление много — как раз закончилось распределение заданий на следующую неделю, и авантюристы всех рангов выходили на улицу, обсуждая добычу, планы, предстоящие вылазки и дела гильдии. Настя пришла с Артуром, они появились вместе, выйдя из дорогого экипажа, запряжённого парой отличных лошадей, и их окружала небольшая свита из пары прихлебателей мага, вечно крутившихся рядом в надежде на подачки, и нескольких любопытных зевак, которым не терпелось посмотреть на знатного аристократа. Серёга увидел Настю и сделал шаг в её сторону, хотел поздороваться, спросить, всё ли у неё в порядке, почему она не приходила последние дни, но по лицам окружающих, по их напряжённым, предвкушающим улыбкам, по тому, как они переглядывались между собой, он вдруг понял, что сейчас произойдёт что-то нехорошее, что-то такое, что он будет вспоминать потом с содроганием.

Настя первой заметила его, и её губы тронула недобрая, кривая улыбка, в которой не было ни капли прежнего тепла, ни тени той девочки, которую он когда-то знал. Она что-то шепнула Артуру, наклонившись к его уху, и тот, лениво переведя взгляд на Серёгу, посмотрел на него с таким выражением, с каким смотрят на раздавленную на дороге лягушку, на что-то мерзкое и ничтожное, что по недоразумению ещё шевелится. — А, вот и наш герой! — громко, так, чтобы слышали все собравшиеся, сказала Настя, и голос её звенел, как туго натянутая струна, как клинок, вынимаемый из ножен, и в этом голосе было столько яда и презрения, что Серёга невольно отшатнулся. — Ты всё ещё носишь эту ржавую железку?

Толпа зашевелилась, загудела, кто-то откровенно хохотнул, кто-то одобрительно закивал, предвкушая развлечение. Серёга остановился как вкопанный, не в силах поверить в то, что происходит, не в силах осознать, что эти слова, эти жестокие, уничтожающие слова произносит та самая девушка, которая ещё недавно гладила его по руке и говорила, что верит в него. — Настя, что... — начал было он, но голос его сорвался, прозвучал жалко и неуверенно, как будто он оправдывался в чём-то, хотя никакой вины за собой не чувствовал. — Не называй меня так! — резко оборвала его она, и в её голосе прозвучала такая сталь, такая холодная, безжалостная жестокость, что Серёга почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. — Ты вообще кто такой, чтобы обращаться ко мне по имени? Пустой авантюрист без гроша в кармане. Посмотри на себя! — Она обвела его рукой, и в этом жесте было столько презрения, столько брезгливости, что у Серёги потемнело в глазах, а в ушах зашумело, как будто он оказался под водой. — Рваные сапоги, грязная куртка. От тебя же воняет нищетой.

Из толпы донеслись сдавленные смешки, кто-то откровенно заржал, кто-то одобрительно захлопал в ладоши, наслаждаясь унижением, которое разворачивалось у них на глазах. Серёга стоял посреди этого сборища, не в силах пошевелиться, не в силах произнести ни слова, не в силах даже отвести взгляд от лица девушки, которая ещё недавно была для него самым близким человеком. Ему казалось, что его окатили ледяной водой, что весь мир вокруг замер и только её голос, звенящий от яда и презрения, продолжает звучать в его ушах. — Я ждала, что ты хоть кем-то станешь, — продолжала Настя, и в её голосе появилась какая-то театральная, наигранная грусть, как будто она играла роль перед благодарной публикой. — Я верила в тебя.

Я думала, что ты способен на что-то большее. Но ты никто. Просто никто. Пустое место. Мечтаешь о подвигах, а сам не можешь даже меч наточить.

— Это не так, — прошептал Серёга, но голос его прозвучал настолько жалко, настолько неубедительно, что он сам едва не поморщился от отвращения к себе. — Не так? — Настя усмехнулась, и в этой усмешке было что-то хищное, что-то такое, что заставило его содрогнуться. — Ну тогда где твой дом? Где слуги? Где твои награды? Где твоё имя в списке лучших?

Он молчал, потому что ответить было нечего, потому что на все эти вопросы существовал только один ответ, и этот ответ был ему слишком хорошо известен. У него не было ничего — ни дома, ни слуг, ни наград, ни имени в списке лучших, — и все эти годы он лишь обманывал себя, надеясь, что когда-нибудь всё изменится, что когда-нибудь он сможет вырваться из этого замкнутого круга, но теперь, глядя в холодные, чужие глаза девушки, которую он когда-то любил, Серёга впервые осознал, что все эти надежды были пустыми, что они не стоили ровным счётом ничего. Артур, стоявший рядом с Настей всё это время с выражением скуки и лёгкого отвращения на породистом лице, лениво перевёл взгляд с Серёги на неё, потом обратно, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на брезгливое любопытство, как будто он разглядывал забавного жука, случайно выползшего на дорогу. — Дорогая, не трать время на этого оборванца, — произнёс он негромко, но так, чтобы слышали все, и в его голосе было столько спокойной, уверенной снисходительности, что Серёга почувствовал, как краска приливает к его щекам. — Пойдём. Мне нужно успеть к обеду в доме наместника.

Настя кивнула, покорно и с готовностью, но напоследок повернулась к Серёге ещё раз, и в её глазах больше не было ни капли прежнего тепла, ни тени той девочки, которая когда-то смеялась над его шутками, только ледяная, безжалостная жестокость, заставившая его отшатнуться. — Запомни, — сказала она, и голос её прозвучал как приговор, как удар хлыста по обнажённой спине. — В этом мире решают связи и золото. А не твои пустые мечты.

Она развернулась и пошла прочь, взяв Артура под руку, и её спина, обтянутая дорогим платьем, была прямой и гордой, как у королевы, а толпа расступалась перед ними, как вода перед носом корабля, и в этой толпе Серёга видел лица, обращённые к нему, — насмешливые, презрительные, сочувствующие, — но все они сливались в одно размытое пятно, в одну безликую массу, которая смотрела на него сверху вниз и видела лишь жалкого, нищего неудачника, не способного ни на что. Он остался стоять на месте, окружённый перешёптываниями и тычками пальцев, кто-то сочувственно качал головой, но большинство откровенно веселилось, наслаждаясь его унижением, и ему хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть, раствориться в воздухе, лишь бы не видеть этих лиц, не слышать этих голосов. — Ну и достанется же красotka магу, — услышал он чей-то голос, прозвучавший откуда-то слева. — А этому, видать, только мышей гонять.

Смех снова прокатился по толпе, и этот смех был последней каплей, переполнившей чашу его терпения. Серёга сжал кулаки так, что костяшки побелели, и на какое-то мгновение ему показалось, что он сейчас бросится на этих людей, что он начнёт бить, крушить, рвать их голыми руками, но уже в следующую секунду он осознал всю бессмысленность этого порыва — перед ним были люди сильнее, богаче, влиятельнее, опытные авантюристы с серебряными и золотыми жетонами, маги, аристократы, и любой из них мог раздавить его, как букашку, даже не заметив этого. И что было хуже всего, что причиняло ему самую острую, самую невыносимую боль, — они были правы. В этом мире действительно решали связи и золото, а не пустые

мечты, и у него не было ни того, ни другого, у него не было вообще ничего, кроме собственной глупой, бессмысленной гордости, которая, впрочем, тоже была уже почти растоптана.

Он не помнил, как ушёл оттуда, как выбрался из этого круга насмешливых лиц и зло-
радных ухмылок, — кажется, просто повернулся и побрёл прочь, глядя под ноги, не разбирая
дороги, спотыкаясь о выступающие камни мостовой и не замечая ничего вокруг. Дождь начал
накрапывать как раз в тот момент, когда последние слова Насти всё ещё звучали в его ушах,
и небо, казалось, сжалилось над ним, давая ему возможность скрыть слёзы среди дождевых
капель, которые стекали по его щекам, смешиваясь с холодной водой. Но Серёга не плакал,
слёзы не приходили, внутри было пусто, выжжено, как степь после пожара, как дом, из кото-
рого вынесли всё, что имело хоть какую-то ценность, и в этой пустоте не осталось места ни
для боли, ни для отчаяния, ни для злости. Он шёл и шёл, не разбирая дороги, сворачивая в
какие-то переулки, проходя через какие-то площади, пока не оказался у кузницы, где и вжался
в стену, прячась от усиливающегося ливня.

Теперь, час спустя, он всё ещё стоял здесь, под этим узким каменным выступом, и вода
стекала с крыши сплошным потоком, брызги долетали до лица, оседая на коже холодными
каплями, а город погрузился в серые сумерки, хотя до настоящей темноты было ещё далеко. В
окнах домов, выходящих на эту улицу, зажигались огни — тёплые, жёлтые, уютные, и за этими
окнами люди сидели у очагов, ужинали, разговаривали, смеялись, не подозревая о том, что где-
то рядом, под дождём, стоит человек, у которого нет ни дома, ни тепла, ни надежды. У этих
людей были семьи, тёплые постели, сухая одежда, у них было то, чего Серёга не имел никогда,
и осознание этого наполняло его душу глухой, безысходной тоской. А он стоял под дождём,
дрожая от холода, чувствуя, как вода пропитывает его одежду насквозь, как холод проникает в
самые кости, и чувствовал себя последним ничтожеством на этой земле, человеком, у которого
нет и не будет ничего.

«Пустые мечты», — снова и снова звенел в голове голос Насти, и эти два слова, про-
стые и безжалостные, были, пожалуй, самым точным определением всей его жизни. Она была
права. Что толку от мечтаний, если не можешь купить даже новые сапоги? Что толку от веры
в себя, если реальность каждый день бьёт тебя мордой об стол? Что толку от надежды, если
она раз за разом оборачивается лишь новым разочарованием? Серёга прикрыл глаза, присло-
нившись затылком к холодной каменной кладке, и ему захотелось исчезнуть, раствориться в
этом дожде, стать одной из капель, стекающих в сточную канаву, чтобы никогда больше не
просыпаться, не чувствовать, не думать. Ему хотелось, чтобы это утро никогда не наступало,
чтобы не просыпаться в промокшей, пропахшей сыростью комнате, не тащиться в гильдию
за очередным унижением, не видеть насмешливых лиц и не слышать презрительных голосов.
Чтобы не существовало ни Насти, ни Артура, ни этой проклятой гильдии, ни этого города, ни
всего этого мира, который с самого начала был настроен против него.

Но он знал, что утром всё повторится, что этот день не станет последним, что впереди его
ждут новые унижения, новые разочарования, новые удары судьбы, от которых не будет защиты.
Он встанет, натянет мокрые, холодные сапоги, перехватит пояс с ржавым мечом и пойдёт туда,
где его снова назовут бездарем, нищесбродом, пустым местом, и он снова проглотит это молча,
потому что другого выхода у него нет. Потому что авантюрист — это всё, что у него осталось,
единственное, что связывает его с этим миром, единственное, что не даёт ему окончательно
сломаться, даже если он самый худший авантюрист в этом городе, в этой стране, во всём этом
проклятом мире.

Дождь усиливался, словно само небо решило обрушить на город всю свою ярость, и Серёга наконец отлепился от стены, сделал шаг под открытое небо, позволяя ледяным струям мгновенно промочить его насквозь. Волосы облепили лоб, куртка потяжелела, в сапогах захлюпало ещё сильнее, и каждый шаг давался с трудом, как будто ноги налились свинцом. Он посмотрел на небо — тёмное, серое, безнадёжное, — и где-то за тучами, далеко-далеко, глухо заворчал гром, словно огромный зверь, ворочающийся в своей небесной берлоге.

«И почему я не родился богатым? — подумал он, и эта мысль, старая, как сам мир, пришла к нему в голову, наверное, в тысячный раз. — Почему не с магическим даром? Почему не с сильными покровителями? Почему не в семье, где меня бы с детства окружали заботой и вниманием, где у меня было бы всё, что нужно для нормальной жизни?»

Ответа не было. Только дождь барабанил по камням, да ветер завывал в переулках, как раненый зверь, и в этом вое Серёге слышалось что-то до боли знакомое, что-то созвучное его собственному внутреннему состоянию.

Он пошёл. Медленно, неуклюже, шлёпая по лужам, не разбирая дороги, сворачивая то в один переулок, то в другой, и его одинокая фигура, сгорбленная и жалкая, скользила сквозь пелену дождя, как призрак, как тень человека, которым он когда-то мечтал стать. Улицы были пусты — в такую погоду ни один разумный человек не высунет носа наружу, все попрятались по домам и тавернам, и лишь стайка мокрых, жалких собак жалась под аркой старого дома, провожая его голодными, тоскливыми взглядами. Одна из них, тощая, с выпирающими рёбрами, тихо заскулила, но Серёга не обратил на неё внимания, он брёл, не разбирая дороги, и в голове его крутились обрывки мыслей, горьких и острых, как осколки стекла, о которые он резался снова и снова, не в силах остановиться.

Он вспоминал, как познакомился с Настей, как впервые увидел её в маленьком трактире на окраине, где она помогала своему дяде-трактирщику, как долго не решался заговорить с ней, как она первая улыбнулась ему, и как эта улыбка осветила весь его серый, унылый мир. Вспоминал её смех, её тёплые ладони, её слова о том, что он обязательно станет великим, что ему просто нужно верить в себя и не сдаваться, и как он, глупый, наивный, верил ей, верил каждому её слову, каждой улыбке, каждому прикосновению. Каким же он был идиотом. Каким же глупцом. Верить в то, что нищая девчонка из трактира полюбит его просто так, без денег и положения, — разве так бывает? Может, где-то в сказках, которые рассказывают детям на ночь, и бывает, но не здесь, не в этом городе, где всё решает звон монет и блеск золота, где за каждым углом тебя подстерегает обман, где любовь продаётся и покупается, как товар на рынке.

Он вспоминал и насмешки в гильдии, все те бесчисленные случаи, когда над ним подшучивали, когда его унижали, когда ему давали самые грязные и самые опасные поручения, а платили меньше, чем другим, как будто его труд стоил меньше, чем труд любого другого человека. Вспоминал, как однажды его не пустили в таверну, потому что у него не было денег даже на кружку пива, и как он стоял под дверью, слушая доносившиеся изнутри весёлые голоса и смех, чувствуя себя изгоем, отщепенцем, человеком, которому нет места среди живых. Вспоминал, как у него украли последние сбережения, как он не смог доказать, кто это сделал, потому что никто не стал слушать жалобу безродного медяка, и как он потом несколько дней питался одними объедками, которые выпрашивал у уличных торговцев. Он вспоминал всё это и чувствовал, как в груди поднимается что-то тёмное, липкое, удушающее, как его захлёстывает волна горечи и обиды, смешанной с бессильной злостью.

Обида? Злость? Ненависть? На кого? На Настю, которая предала его так легко и так жестоко? На Артура, который даже не счёл нужным взглянуть на него серьёзно, для которого он был просто грязью, прилипшей к подошве? На гильдию, которая выплюнула его на самое дно и с тех пор лишь пинала, не давая подняться? На судьбу, которая с самого начала не дала ему ни единого шанса, ни единой возможности вырваться из этого круга? Пожалуй, на всех сразу. Но больше всего — на самого себя. За то, что был слабым. За то, что не смог. За то, что продолжал верить, когда верить уже было нельзя, и за то, что позволил им всем растоптать себя.

Он шёл, пока не оказался на окраине города, у старого каменного моста через реку, которая в это время года была особенно полноводной и бурной. Вода в реке вздулась, бурлила, пенилась, несла с собой мусор, сломанные ветки, обломки досок и, возможно, чью-то утонувшую лодку, и всё это стремительно уносилось течением, исчезая в серой пелене дождя. Мост выглядел ненадёжным, шатким, его старые, потемневшие от времени доски прогибались под ногами, а перила местами были сломаны, но Серёга знал — он выдержит, этот мост стоит здесь уже не первое столетие и простоит ещё столько же. Он стоял здесь много раз, глядя на тёмную воду, на её стремительное, неумолимое течение, и иногда ему казалось, что река зовёт его, что она нашептывает ему что-то на своём языке, что если сделать шаг вперёд, перешагнуть через перила и броситься вниз, всё закончится. Не будет больше ни боли, ни унижений, ни голода, ни холода. Только темнота и покой. Вечный покой, которого он так жаждал.

Но он не делал этого шага. Что-то удерживало его, какая-то неведомая сила, которую он не мог объяснить ни логикой, ни здравым смыслом. Может, инстинкт самосохранения, заложенный в каждом живом существе. Может, остатки гордости, которая не позволяла ему сдаться так просто. Может, та самая глупая, иррациональная надежда, которую он так ненавидел в себе и от которой так хотел избавиться. Где-то глубоко внутри, под слоями боли и унижения, всё ещё тлел крошечный уголёк, который не давал ему сдаться окончательно, который нашептывал, что завтра будет лучше, что найдётся выход, что однажды он докажет всем, и Насте в первую очередь, что они ошибались. «Пустые мечты», — снова прошептал голос в его голове, и этот голос был похож на голос Насти, холодный, безжалостный, уничтожающий.

Серёга остановился на середине моста, схватился за мокрые, скользкие перила, наклонился вперёд, вглядываясь в бурлящую внизу воду, которая была чёрной, как смоль, и в её отражении не было даже проблеска света, ни единого блика, ни единой искры. Он смотрел в неё, как в бездну, и бездна смотрела в него, и в этом взгляде было что-то завораживающее, гипнотическое, что-то, что тянуло его вниз, в темноту, в небытие.

«Прыгай», — шептал дождь, стуча по его плечам и голове.

«Прыгай», — шуршал ветер, раскачивая старые доски моста.

«Прыгай», — скрипело дерево под его ногами, как будто сам мост устал нести его вес.

Серёга закрыл глаза, и в этот момент внутри у него что-то треснуло — тонко, жалобно, как будто последняя струна, удерживавшая его на плаву, лопнула, не выдержав напряжения. Из груди вырвался сдавленный стон, похожий на вой раненого зверя, и этот звук, сорвавшийся с его губ, был полон такой тоски и отчаяния, что даже дождь, казалось, на мгновение стих, прислушиваясь. Он ударил кулаком по перилам, разбивая костяшки пальцев в кровь, и боль, резкая, отрезвляющая, пронзила его руку, заставив распахнуть глаза и отшатнуться назад.

Нет. Он не прыгнет. Он не доставит им такого удовольствия. Если он умрёт, все просто пожмут плечами, скажут: «Ну и поделом», а Настя, может быть, даже улыбнётся, узнав о его смерти. Артур, скорее всего, вообще не вспомнит о его существовании, для него Серёга был лишь досадной помехой, мелкой соринкой, которую легко смахнуть с глаз. Нет. Так нельзя. Если уходить, то не так, не сдавшись, не признав поражение, не оправдав их ожиданий. Он отшатнулся от перил, сделал несколько шагов назад, и сердце его колотилось в груди, как бешеное, как будто он только что избежал смертельной опасности. Кровь стекала по пальцам разбитой руки, смешиваясь с дождевой водой, оставляя на мокрых досках моста едва заметные розовые разводы, которые тут же смывались новыми потоками. Серёга посмотрел на свою руку, сжал и разжал кулак, чувствуя, как боль пульсирует в разбитых костяшках, и эта боль помогла, она напомнила ему, что он ещё жив, что его сердце ещё бьётся, что он ещё способен чувствовать.

— Я ещё жив, — прошептал он вслух, и голос его прозвучал хрипло и неуверенно, но в нём была какая-то новая, незнакомая прежде решимость. — Я ещё здесь.

Дождь немного стих, словно уважая его решение, ветер перестал завывать так пронзительно, и в наступившей относительной тишине Серёга вдруг услышал стук собственного сердца, гулкий и ровный, отсчитывающий секунды его жизни. Он стоял на мосту, мокрый до нитки, избитый, нищий, но всё ещё живой, и впервые за этот бесконечный, мучительный день ему показалось, что где-то там, за плотной пеленой туч, может быть, есть просвет, что ночь не будет длиться вечно, что утро всё-таки наступит.

Он повернул обратно к городу, решив, что нужно где-то переждать ночь, потому что оставаться под открытым небом в такую погоду было равносильно самоубийству. Обычно он снимал угол в дешёвом пансионе на окраине, но платить было нечем, хозяйка и так уже грозилась вышвырнуть его вон, а после сегодняшнего, после того как он не заплатил за последнюю неделю, она наверняка приведёт угрозу в исполнение. Можно попробовать переночевать в гильдии — там есть общий зал с длинными деревянными лавками, где иногда ночевали такие же бедолаги, как он, хотя сторож, старый ворчливый дед с вечно недовольным лицом, мог прогнать его. Но выбора не было, и Серёга, глубоко вздохнув, направился к центру города, шлёпая по лужам и стараясь не обращать внимания на холод, пробиравший его до самых костей.

Он шагал обратно по раскисшей дороге, и мысли его постепенно принимали более спокойный, почти философский оборот, как будто после всего пережитого его сознание нашло наконец какую-то точку опоры. Он думал о том, что дно — это тоже место, что ниже уже некуда, что если оттолкнуться от самого дна, можно начать всплывать, медленно, с трудом, но всё-таки всплывать. Конечно, для этого нужны силы, нужны деньги, нужно хоть какое-то снаряжение, но ведь можно начать с малого, с тех же крысиных подвалов, с собирания трав, с беготни по поручениям. По крупцам копить, по капле выжимать из себя, по крохам собирать то, что когда-нибудь позволит ему подняться хотя бы на одну ступень выше. Медленно, очень медленно, но двигаться, не останавливаясь, не сдаваясь, не позволяя себе утонуть.

«Связи и золото, — подумал он с горечью, перешагивая через очередную лужу. — Ну что ж. Значит, будут мне и связи, и золото. Когда-нибудь. Если не сдохну раньше». Эта мысль не принесла особого утешения, но хотя бы дала направление, хотя бы указала путь, по которому нужно идти. Он не будет больше ждать чуда, не будет надеяться на чью-то помощь, не будет рассчитывать на удачу, которая, как он уже давно понял, никогда не была на его стороне. Он

будет рассчитывать только на себя, на свои собственные силы, на свою собственную волю, которая, несмотря ни на что, ещё не была сломлена окончательно.

Серёга вошёл в городские ворота, кивнув сонному стражнику, который даже не посмотрел на него, укрывшись от дождя в своей будке, и оказался на знакомых улицах, которые сейчас, в этот дождливый вечер, казались ему какими-то чужими и неприветливыми. Улицы были всё так же пустынные, дождь шуршал по крышам, стекал с навесов, журчал в водосточных желобах, и в этом монотонном шуме было что-то убаюкивающее, что-то, что заставляло мысли течь медленнее, спокойнее, отстранённое. Где-то гулко хлопнула ставня, захлопнутая порывом ветра, где-то вдалеке залаяла собака, и этот лай, такой обыденный и привычный, почему-то успокоил Серёгу, напомнив ему, что жизнь продолжается, что мир не рухнул, что завтра снова взойдёт солнце.

Он добрался до гильдии, когда уже совсем стемнело, и здание из серого, грубо отёсанного камня, приземистое и мрачное, стояло на центральной площади, как древний страж, молча наблюдающий за жизнью города. Над входом висела вывеска с эмблемой гильдии — скрещённые меч и посох на фоне щита, — и эта эмблема, потускневшая от времени и непогоды, казалась сейчас какой-то насмешкой над всем, во что Серёга когда-то верил. Свет в окнах не горел, значит, собрание уже закончилось, и все разошлись по тавернам, по домам, по своим делам, и только он, одинокий и нищий, стоял перед закрытой дверью, не зная, пустят ли его внутрь. Он потянул дверь, она оказалась незаперта, и это было хорошим знаком. Внутри пахло кожей, пивом и дешёвым маслом для светильников, этот запах, такой знакомый и привычный, на мгновение вернул его к реальности.

За конторкой, положив голову на сложенные руки, дремал старик-дежурный, и его редкие седые волосы разметались по столу, как пучок сухой травы. Он приоткрыл один глаз, посмотрел на Серёгу без всякого выражения, в его взгляде не было ни враждебности, ни сочувствия, только усталость человека, который слишком много повидал на своём веку. — Закрыто, — буркнул он, и голос его прозвучал глухо, как будто старик говорил сквозь сон. — Я только переночую, — сказал Серёга, стараясь, чтобы его голос звучал уверенно. — В общем зале.

Старик поморщился, но ничего не ответил, то ли ему было всё равно, то ли он был слишком сонным, чтобы спорить, и снова опустил голову на руки, возвращаясь к своему прерванному сну. Серёга прошёл в зал, где стояли длинные деревянные столы и лавки, на которых обычно сидели авантюристы во время собраний и праздников, и в углу, у пустого холодного камина, нашёл сложенное в кучу старьё — старый плащ или попону, не разберёшь, — которое кто-то оставил здесь, видимо, за ненадобностью. Он стянул с себя мокрую куртку, разложил её на лавке в надежде, что к утру она хоть немного просохнет, снял сапоги, вылил из них воду, скопившуюся за время его долгого пути, и сел на лавку, поджав ноги, обхватив колени руками, пытаясь сохранить остатки тепла.

Ночь обещала быть холодной, и Серёга знал, что уснуть будет непросто, но хотя бы крыша над головой есть, и стены защищают от ветра, и дождь не льёт на голову, а это уже было немало, это уже было почти роскошью по сравнению с тем, что его ждало в противном случае. Он закрыл глаза, и перед его внутренним взором снова всплыло лицо Насти, её улыбка, ставшая вдруг такой чужой и жестокой, и её слова, которые, как ему казалось, навсегда врезались в его память. «В этом мире решают связи и золото». Он повторил эти слова шёпотом, как будто пробовал их на вкус, как будто хотел понять, что они значат для него теперь, после всего,

что случилось. Потом тихо добавил, обращаясь к самому себе, к темноте, к этому холодному, пустому залу:

— Посмотрим.

Где-то далеко, за стенами гильдии, снова прогрехотал гром, и раскат его прокатился по небу, как колесница какого-то древнего божества, и дождь, ненадолго утихший, снова усилился, забарабанил по крыше, застучал в ставни, зашумел в водосточных трубах. Но Серёга уже почти не слышал его. Сон, тяжёлый и липкий, навалился на него, затягивая в темноту, и последняя мысль, мелькнувшая перед тем, как он провалился в забытё, была простой и отчаянной: «Я ещё встану».

Он не знал, как и когда это произойдёт, не знал, что его ждёт завтра, не знал, сумеет ли он вообще подняться после такого удара, но впервые за долгое время он засыпал не с чувством бессилия и пустоты, а с едва заметной, злой решимостью, которая, как ему казалось, уже давно умерла в нём, но которая, оказывается, всё это время лишь пряталась где-то глубоко, ожидая своего часа. Как зверь, загнанный в угол, который вдруг перестал бояться, потому что терять ему больше нечего, он закрыл глаза и позволил темноте поглотить себя.

Ночь тянулась долго, и дождь не унимался до самого рассвета, словно небо решило вылить на землю всю свою скорбь, всю свою накопившуюся за долгие недели влагу. А когда над городом забрезжило хмурое, мутное утро, Серёга уже был на ногах, он встряхнул мокрую, так и не высохшую за ночь куртку, натянул её на плечи, поправил меч на поясе и вышел на крыльцо, щурясь от серого, рассеянного света. Небо по-прежнему было затянуто тучами, но дождь наконец прекратился, оставив после себя лужи, в которых отражались серые облака и верхушки домов, и воздух, холодный и сырой, пах мокрым камнем, прелой листвой и речной водой.

Серёга глубоко вдохнул этот холодный сырой воздух, чувствуя, как он наполняет его лёгкие, как проникает в каждую клеточку его измученного тела, и внутри у него было пусто и горько, но где-то на самом дне этой пустоты, как слабый огонёк в тёмной комнате, пульсировала жилка надежды. Маленькая, дрожащая, но живая. Он не позволит ей угаснуть. Не сегодня. Не после всего, что он пережил. Он шагнул с крыльца и направился к рынку, на ходу прикидывая, какую работу можно найти в этот ранний час, и нужно было найти хоть что-нибудь, любую, даже самую грязную, даже за гроши, потому что если он хотел подняться, если он хотел доказать им всем, что они ошибались, нужно было с чего-то начать. И он поднимется, чего бы это ни стоило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.